

ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ПРИЗНАК КАК ОБЪЕКТ НОМИНАЦИИ

© 2004 Л.В. Лаенко

Воронежский государственный университет

Выявление номинативного потенциала языковых единиц, определение их семантических функций позволяет определить, как происходит обработка информации о мире в сознании носителей различных лингвокультур.

По справедливой мысли Г. В. Колшанского, номинация — это “языковое закрепление понятийных признаков, отображающих свойства предметов” [3, 15-16]. Исходя из того, что понятийные признаки суть уже не факт непосредственного (чувственного) восприятия действительности, а результат абстрагирующей деятельности человека, направленной на обработку наглядно-чувственной информации, то следует думать, что до совершения акта номинации как такового должно происходить формирование той структуры сознания, которая ищет формы своей фиксации. Слова объективируют и активизируют разные структуры сознания и вызывают в сознании разные образы, впечатления, картины и сцены. Чтобы подобная активизация структур сознания произошла, ей должны предшествовать процессы номинативной деятельности. Это обуславливает тесную связь когнитивизма и ономазиологии, поскольку номинация связана и с вещным миром, и с абстрагирующей деятельностью ума. Названия служат метками разных ипостасей самого объекта: имена означивают реальный объект в действительном мире, и в то же время имя объекта указывает на его смысл. При этом название в мире психическом отсылает лишь к части знаний об объекте. Помимо этого, названия (слова) способны при необходимости использоваться в новых значениях, отражающих новое видение объекта или помещение его в новую структуру деятельности, что позволяет под “крышу” одного и того же знака подвести знания различной структурированности. Слово, фиксируемое в словаре, служит этикеткой для называния всей той области референции, всего того денотативно-сигнификативного пространства, которое связано с данным словом в мозгу говорящего.

Поскольку обозначение представляет собой совокупность таких аспектов объектов, которые не могут представить весь объект, то в акте номинации должны быть выбраны такие релевантные части объектов, которые характеризуют самые яркие свойства их бытия во времени и пространстве.

Вместе с тем, получают название лишь те объекты, на которые направлена деятельность человека.

Удивительное свойство акта номинации заключается и в том, что, являясь первоначально актом индивидуальной деятельности и объективируя, в сущности, субъективную структуру сознания, он по своему результату становится достоянием говорящих на том же языке, одинаково соотносящих тело знака со сложившейся структурой сознания и с объектом действительности.

Суть акта номинации заключается в фиксации связи предмета, его имени, явления и его обозначения, структуры сознания и её объекта.

Акт номинации — процесс речемыслительный. Ранее, в рамках ономазиологического подхода, более всего изучались когнитивные основания номинации: осознание ономазиологического признака и предиката как мотива обозначения и т. п. Сегодня же справедливо подчеркивается, что в не меньшей степени акт номинации зависит и от коммуникативных актов. Данный факт позволил ведущим лингвистам современности выдвинуть утверждение о том, что означиванию в языке подлежат лишь те концепты, которые коммуникативно релевантны [7, 16].

Одной из насущных задач теории номинации при реконструкции номинативной деятельности является поиск ответа на вопрос о том, как сформированные основные онтологические понятия бытия — объекта, движения, признака и т. п. и их отдельные аспекты и разновидности послужили затем объектом номинации.

Когнитивный же подход дает возможность выдвинуть предположения, в частности, о том, почему окружающий мир оказался воспринятым и

осмысленным в том виде, в каком он есть — “через сетку определенных координат, устанавливающих отличия объектов от процессов, процессов от признаков и т. п.” [4, 64].

Таким образом, когнитивный подход и теория номинации тесно связаны между собой, поскольку одним из важнейших вопросов последней является вопрос о том, какая часть знаний об объекте получает отдельное наименование. Осмысление акта номинации с когнитивных позиций означает поиски ответа на вопрос о том, какие наборы концептов и почему вербализуются в данном языке и какая конкретная языковая форма выбрана при этом для решения этой задачи.

Объектом настоящего исследования являются русские и английские качественные (перцептивные) прилагательные, в семантике которых репрезентированы перцептивные образы признаков предметов, сформированные в сознании человека на основе работы его органов чувств.

Несомненен тот факт, что ощущения, возникающие при непосредственном контакте человека с объективным миром, о которых ему хочется сообщить, должны быть названы. Помимо этого, выражая ощущения посредством языка, мы одновременно оцениваем окружающую действительность, и оцениваем её двояко: объективно (т. е. пытаемся соизмерить наши ощущения с чужим опытом и знаниями о мире) и субъективно (в соответствии со своими индивидуальными особенностями). Для исследования описания окружающего мира на языковом уровне могут быть поэтому использованы аспекты, относящиеся к восприятию окружающего мира с помощью пяти внешних органов чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса, известные как модусы перцепции [6].

Имя прилагательное относится к знаменательным частям речи. Оно периодически привлекало внимание лингвистов в до-когнитивный период, но в меньшей степени по сравнению с глаголом и существительным, по праву считающимися знаменательными частями речи. Имя прилагательное исследовалось преимущественно как категория лексико-грамматическая, обладающая, безусловно, своими семантическими и грамматическими особенностями.

Признавая же, что “в основе категорий лежат в конечном счете отражения и обобщения явлений объективного мира” [7, 36], анализируя искомые прилагательные, мы должны, таким образом, попытаться найти ответ на главный вопрос современной лингвистики о том, что же в этих прилагательных отражено и обобщено, что является коррелятом этих признаков единиц как в объективной реальности, так и в сознании человека.

При наречении слово объективирует определенную структуру сознания — совокупность концептов, хранящую необходимое носителю языка знание об объекте — и является формой хранения этого знания. Помимо этого, являясь единицей языковой системы, слово является представителем существующей в языке определенной частеречной категории. Выяснение природы категории признака — первостепенная наша задача, так как её решение позволит выявить корреляции между прилагательными как языковыми единицами и их концептуальными структурами, а это невозможно без изучения данного типа признаков слов. С поставленной выше задачей соседствует другая, более конкретная, но не менее важная и актуальная: категория перцептивного признака, её “представительность” и объем в разных языках, наличие в ней одного или нескольких прототипов.

Исследуемые имена прилагательные чувственного восприятия, или, по нашей терминологии, перцептивные прилагательные, относятся к тем единицам, которые хранят в своих значениях информацию перцептуального характера о воспринимаемых объектах и явлениях мира. Полностью ли соответствует эта информация сущностным перцептуальным характеристикам объектов восприятия или все-таки она, будучи объективированной в семантике признаков единиц языка, хранится в ней в измененном виде, пройдя предварительную обработку сознанием носителей языков? Это ещё одна насущная проблема, которая требует решения: роль восприятия в познании и роль языка в означивании перцептивных концептов, с одной стороны, и статус качественного прилагательного как первичной языковой номинации, закрепляющей и объективирующей перцептивные признаки объектов мира, с другой.

Суть когнитивного подхода, важность применения которого к изучению фактов языка сегодня несомненна, предполагает рассмотрение последних с точки зрения их корреляций тем типам и структурам сознания, тем концептам, которые за ними стоят [4]. Так как языковая картина мира создается носителями той или иной лингвокультуры в процессе номинативной деятельности, то характер соотношения между концептуальной и языковой системами следует изучать посредством рассмотрения этой деятельности, её направления на обозначение определенных фрагментов окружающей действительности, через анализ реальных средств и приемов номинации с учетом национально-культурной специфики осмысления объектов означивания представителями лингвообщества, их мотивов и интенций.

Многообразие и разнохарактерность чувственно воспринимаемых объектов и реалий мира номинируется в языке многочисленными груп-

пировками качественных прилагательных, известными со времен до-когнитивной лингвистики как лексико-семантические группы (ЛСГ). Традиционно ЛСГ понимается как совокупность лексических единиц, связанных структурными отношениями и имеющих семантическую общность. Уточним, что это своеобразный контейнер смыслов в языковых означиваниях, связанных между собою отнесенностью к одной ментальной области.

Итак, в основе категорий лежат отражения и обобщения явлений объективного мира.

Познание мира изначально ориентировано на вычленение из его пространства предмета (вещи), действия, признака. Окружающая действительность представлена каждому из нас в непосредственно-чувственной форме. Эти впечатления структурированы в пространстве и времени, носят предметный характер и обнаруживаются там, где локализуется его источник — в среде, внутри или на поверхности тела человека. Как элементы внутреннего мира, они включены в организацию его психической жизни, и потому всё, что касается природы человека и его отношения к действительности, предполагает чувственную основу, или перцептивную составляющую.

Категория перцептивного признака имеет корреляции в сознании человека в виде образов ощущений, или перцептивных образов, которые человек формирует в процессе и результате восприятия мира. Сущность восприятия заключена в отражении объективной действительности, её наглядной представленности. Соответственно процесс восприятия выступает как процесс порождения и развития образа. Это центральный компонент перцептивного комплекса, основная предпосылка и результат активности субъекта восприятия. Перцептивный комплекс — это интегральное динамическое образование, включающее чувственную данность объекта в единстве с внутренними условиями её существования: перцептивной потребностью, оценкой, отношением, установкой и т. д. Он играет роль функционального органа, реализующего возможность отражения действительности и регуляцию перцептивной активности. Движение перцептивного комплекса и есть восприятие как психический процесс.

Перцептивный образ отличается высокой информационностью, он оперативен, многомерен, существует в форме процесса и результата и развертывается на разных уровнях организации перцептивной системы.

Необходимость его возникновения вытекает из необходимости активных форм приспособления индивида к среде, требующих непрерывной ориентировки в ситуации и регуляции поведения. В процессе жизнедеятельности образ не только

формируется, но и развивается, а его основу составляет не только индивидуальное, но и родовое бытие субъекта. Если содержание перцептивного образа можно уподобить строительному материалу, то его форму — архитектурному проекту, который вносит в конструкцию порядок и организованность.

Одним из структурных компонентов когнитивного опыта являются когнитивные схемы. Когнитивная схема — это обобщенная и стереотипизированная форма хранения прошлого опыта относительно строго определенной предметной области (знакового объекта, известной ситуации и т. д.). Это актуализированная система знаний о воспринимающем и его окружении, подчиненная стоящей задаче. Когнитивные схемы отвечают за прием, сбор и преобразование информации в соответствии с требованиями воспроизведения устойчивых, нормальных, типичных характеристик перцептивного события. Благодаря схемам, действительность воспринимается не хаотично, а как организованное целое [1]. Наличие схем является одним из условий инвариантного восприятия действительности. С помощью схем осуществляется категоризация среды, узнавание ситуации или ее элементов, понимание происходящих событий.

Поскольку актуальный перцептивный образ оказывается квантом или звеном непрекращающегося потока восприятия, он находится во взаимосвязи с предшествующим и последующим образами. Смежные модели ситуации не склеены, а пронизывают друг друга. Этот факт дает основания считать, что восприятие и дискретно, и непрерывно. Чувственный образ несет момент инновации, но не начинается с нуля и не исчезает бесследно.

Отмеченные свойства, строение и динамика чувственного образа характеризуют прежде всего сенсорно-перцептивный уровень отражения действительности, но не только его. Перцептивный образ содержит информацию, которая не имеет ситуационного референта. Последовательность перцептивных квантов свертывается в симультанное целое, обладающее панорамностью и схематизмом (уровень представлений). Перцептивный образ включает в себя и рациональное знание, с помощью которого субъект освобождается “от пут” наличного бытия, переходит из одной ситуации в другую, в том числе и мысленно конструируемую (вербально-логический уровень).

В языке перцептивные образы объективируются в семантике перцептивных прилагательных. Основное значение перцептивных прилагательных репрезентирует информацию об объективном чувственно воспринимаемом признаке. Образ-схема данного признака составляет концептуальную структуру такой категории лексических единиц.

Их основное значение контекстуально необусловлено, частотно, устойчиво, продуктивно и немотивированно. Перцептивные прилагательные, как и другие типы качественных атрибутивных ЛЕ, обозначают, как правило, непроцессуальные и атемпоральные признаки, что связано с их недифференцированной способностью выражать качество и качественное состояние.

Необходимость выявить национальную специфику представленности той или иной перцепции в двух языках потребовала анализа результатов концептуализации в двух языках — русском и английском — всех пяти модусов восприятия: осязания, вкуса, запаха, зрения, слуха.

Сообразно типу перцептуального канала получения информации, прилагательные образуют естественные лексические объединения — лексико-семантические группы, или микрополя, вместе составляющие лексико-семантическое поле “Восприятие”. В обоих языках налицо пять таких лексических микрополей, признаковые конститuentы которых объединяются на основе инвариантных категориальных сем: “воспринимаемый осязанием”, “воспринимаемый на вкус”, “воспринимаемый зрением”, “воспринимаемый органом обоняния”, “воспринимаемый на слух”. Каждая из таких категориальных сем репрезентирует родовую концепт, активизация которого открывает многомерный и сложно структурированный файл в голове человека — домен, хранящий обработанную его сознанием информацию о тех или иных ощущениях. В результате вся информация о перцептивных признаках предметов, объектов и явлений мира хранится в сознании человека в пространстве пяти доменов (концептуальных областей): “Осязание”, “Вкус”, “Обоняние”, “Зрение”, “Слух”. Наиболее востребованные видовые концепты из отмеченных доменов получают означивание посредством перцептивных прилагательных как их первичных номинаций, объединяющихся соответственно общей идеей той или иной концептуальной области.

Несамостоятельность признака, его жесткая принадлежность к объекту в случаях коммуникативной востребованности находит репрезентацию в особом типе номинаций — именных атрибутивных фразеосочетаниях. Поэтому семантическая структура отмеченных прилагательных исследуется посредством анализа их лексической сочетаемости [2]. В результате выявлены предметные и непредметные зоны приложения прилагательных, маркируемые именами существительными, с которыми означенные атрибутивные лексемы сочетаются.

Концепт каждого из перцептивных признаков содержит базовый компонент, определяющий его перцептуальную сущность. Данный компо-

нент репрезентируется в ядре семем Д1 (прямых номинативных значений) рассмотренных прилагательных и определяет стратегии развития их семантики.

При реализации семем Д1 все лексемы реализуют выделительную функцию при номинации воспринимаемого признака в результате взаимодействия или эксплуатации предметов/объектов реальной действительности. При каждом прилагательном при этом выстраивается ряд прототипических существительных, который, следует отметить, не всегда одинаков по составу, в чем выражаются национальные особенности концептуализации предметов и объектов мира по тому или иному перцептивному признаку.

Так, реализация эквивалентной семемы Д1 “легко поддающийся воздействию извне” английским прилагательным *soft* и русским *мягкий* возможна при условии их сочетания с прототипическими существительными, к которым относятся субстантивные ЛЕ следующих тематических групп:

- тело; части тела человека, животного (*body, hand, face, flesh; щёки, грудь*)
- волосы человека, шерсть животного (*fur, plumage; волосы, борода*);
- одежда, обувь (*coat, dress, slippers; платье, халат, сапоги*)
- предметы для лежания, сидения (*bed, armchair, chair, cushion; перина, подушка*)
- поверхность, покрытие (*carpet, ground, snow, grass, moss; ковёр, дорога, тропинка*)
- пища (в кулинарии) (*onion, potatoes, tomatoes; хлеб, пироги, бублик, пряник*)
- кожа, мех, шерсть, ткань (*leather, wool, silk; трикотаж*)
- материалы и вещества, подвергаемые обработке (*mortar, dough; воск, глина*).

Вместе с тем, группа существительных “пища”, с которыми сочетаются данные прилагательные, несколько отличается в русском и английском языках. Английскому языку свойственно употребление лексемы *soft* существительными, обозначающими “овощи” (*onion, potatoes, vegetables, peppers, tomatoes*), а русскому — обозначающими “хлебобулочные изделия” (*хлеб, пироги, бублик, пряник, калачик, баранка*). Представляется, что причиной такой избирательности послужили национальные традиции и предпочтения.

В сочетаниях с существительными, не входящими в ряд/ряды прототипических существительных, но называющих, тем не менее, материальные объекты, перцептивные прилагательные развивают семемы Д2, образуя терминологические ФС: *soft drinks* (букв. мягкие напитки) — безалкогольные напитки; *hard measures* (букв. твердые меры) — *жесткие меры, smooth wine* — нетер-

пкое вино; *cold bag* (букв. холодная сумка) — термос, *холодные закуски*, *wet paint* — сырая (не сохшая) краска и др.

Семемы Д2 отличаются наибольшей национальной спецификой в силу социокультурной обусловленности процесса переноса перцептивного признака.

Инспирируемое определенными компонентами семантической конфигурации именной лексики варьирование сем в семантическом содержании перцептивных прилагательных позволило проследить развитие семантики последних и сделать выводы по поводу их номинативного и функционального потенциала.

ЛСГ по каждой из отмеченных категориальных сем имеют разный объем и структуру. Отличительной особенностью каждой ЛСГ является оппозиционирование позитивно ориентированных перцептивных прилагательных негативно ориентированным. Это связано с самой природой качественного признака, который способен градуально изменяться и даже параметризоваться (например, температурные признаки). Различная степень представленности в языке результатов концептуализации перцептуальной информации говорит о степени актуальности тех или иных типов признаков для жизнедеятельности и жизне существования человека в мире.

Так, микрополе перцептивных прилагательных с общим семантическим компонентом “воспринимаемый осязанием” состоит в обоих языках из нескольких ЛСГ, объединяющих 34 атрибутивных ЛЕ в русском и 29 в английском языках:

— ЛСГ прилагательных с общими семами “твердый”, “мягкий”

— ЛСГ прилагательных с общими семами “острый”, “тупой”

— ЛСГ прилагательных, обозначающих температурные ощущения

— ЛСГ прилагательных с общими семами “мокрый”, “сухой”.

Осязательная перцепция обладает наибольшей значимостью для жизни человека. Осязание предпослано остальным типам восприятия (вкусу, обонянию, зрению, слуху). Данное наблюдение подтверждается концептуализацией других типов ощущений через осязание, что демонстрируется переносом осязательного признака в другие перцептивные области:

— “Звук” (мягкий тон, *soft voice*, *rough sounds*, грубый голос, ровное звучание, *smooth voice* — *плавный голос*, резкий голос, *sharp voice*, *acute hearing*, острый крик; тупой стук; *a dull shud* — *тупой звук*; холодный тон; ледяной тон; *cold voice*, *frosty tone* — *неприятный тон*; сухой звук; резкий ответ)

— “Зрение: свет, цвет, форма” (*soft light*, *soft colour*, *soft hills*, мягкие линии, *rough features of the*

face, ровный свет, гладкая речь, *sharp sight*, *keen eyes*, *a dull day* — *тусклый день*; горячие/теплые цвета, холодный свет/цвет)

— “Запах” (*soft* мягкий аромат, резкая вонь, *a sharp/keen/acute sense of smell* — *острый запах*; острый запах гнили, *cold smell* — *несладкий запах*; *a cool smell of cheese* — *свежий запах сыра*)

— “Температура” (*soft warmth*, мягкая зима, резкое похолодание, острый воздух)

— “Вкус” (*hot curry*; *hard cheese*, *coarse taste*, *coarse food*, *rough wine*, *smooth wine*, *smooth paste*, *острая закуска*; *a moist cake* — сочный пирог; *сырой хлеб*; *dry bread* — немягкий, сухой хлеб; *dry wine* — сухое вино).

Второй по значимости перцепцией для человека является вкусовая в силу большой востребованности концептов этой концептуальной области для номинирования объектов не только вкусовой, но и невкусовой природы. Домен “Вкус” находит репрезентацию в обоих языках в семантике ЛСГ, объединяющих по 4 прилагательных: *сладкий*, *горький*, *кислый*, *соленый*; соответственно в английском — *sweet*, *bitter*, *sour*, *salty/salt*. Номинирование непрототипических объектов осуществляется посредством полирецепторного переноса. Так, в семантике анализируемых прилагательных наблюдается тенденция переноса вкусового признака в следующие семантические области:

1) “Вкус” > “Запах” (*горький ветер*, *кислый воздух*, *sweet smell*)

2) “Вкус” > “Звук” (*sweet song*, *сладкие звуки/музыка*)

3) “Вкус” > “Температура” (*bitter wind*)

4) “Вкус” > “Оценка” (*сладкий сон*, *sweet smile*, *горькая доля*)

При дальнейшем абстрагировании вкусовых признаков все их атрибутивные номинации развивают тенденцию перехода в семантические сферы “Чувство”, “Характер” на основе метафорических и метонимических переносов:

5) “Вкус” > “Чувство”, “Характер” (*сладкая тоска*, *blue mood* — “грустное настроение”).

При этом вкусовыми прилагательными реализуется выделительная функция с той лишь существенной разницей, что номинируемый признак не носит объективный характер, а приписывается субъектом объекту характерологизации.

Трансформация коннотативных семем вкусовых прилагательных происходит в результате двух типов взаимодействия:

а) взаимодействия сенсорных прилагательных внутри одной ЛСГ (оно выражается в установлении синонимических и антонимических связей);

б) взаимодействия между сенсорными прилагательными разных ЛСГ:

— с сохранением прилагательными сенсорных свойств (синестезия);

– с утратой сенсорных свойств (прилагательные обозначают различные эмоции, т. е. переходят в класс эмотивных прилагательных).

Наиболее характерные и частые случаи синестезии в статусе Д2 наблюдаются при взаимодействии прилагательных ЛСГ вкуса и ЛСГ обоняния: замена основной и дополнительной сем приводит к тому, что прилагательные теряют сенсорные свойства и сближаются с классом эмотивных прилагательных, так как приобретают функцию эмоциональной оценки. Эти случаи являются единственно возможными для лексем в статусе Д2: в смысловой структуре прилагательных появляются новые семы, мотивационно не связанные с исходной. Эмотивная симуляция является высшей стадией синестезии, показателем высокой идиоматичности данных прилагательных. Она свойственна не только вкусовым, но и всем перцептивным прилагательным русского и английского языков и является действенным средством обогащения их значений.

Домен “Запах” содержит информацию о приятных и неприятных запахах. Обонятельная перцепция по-разному представлена в языках. Ср.: две группы прилагательных собственно обонятельной семантики с общими соответственно для каждой группы оценочными интегральными компонентами “приятный запах” (4 прилагательных: *aromatic, fragrant, scented, odorous*) – “неприятный запах” (8 прилагательных: *pungent, malodorous, fetid, stinking, reeking, noisome, putrid, smelly*) – в английском языке; две группы прилагательных собственно обонятельной семантики с общими соответственно для каждой группы оценочными интегральными компонентами “приятный запах” (6 прилагательных: *ароматный, ароматический, благовонный, благоуханный, духовитый, душистый*) – “неприятный запах” (3 прилагательных: *зловонный, вонючий, смрадный*) – в русском языке.

Отличительной особенностью ЛСГ прилагательных, характеризующих обонятельные ощущения, является пополнение состава её конститuentов номинациями из других ЛСГ в силу бедности собственно обонятельных прилагательных. Данные признаковые номинации заполняют периферийные зоны пространства ЛСГ.

Зрительная перцепция представлена в работе лишь прилагательными, характеризующими цвет (по 11 прилагательных в обоих языках). Это не случайно, так как из всех зрительных ощущений именно цветовые ощущения – прототипические, они первыми получили формы объективации в языке. Все остальные типы зрительных ощущений предполагают уже логические операции. Они стали обрабатываться сознанием человека намного позднее, поэтому не стали предметом настоящего исследования. Основные значения цветовых при-

лагательных в двух языках имеют сходные структуры, различия возникают лишь в обозначении эталонного носителя признака. Ср.: прямое значение русской ЛЕ *коричневый* описывается как “темный, буро-желтый (цвета жареного кофе и жолудя)”, англичане же считают эталоном коричневого цвета землю, дерево, кофе (*brown* – “of the colour of earth, wood and coffee”). Отличие русских цветовых прилагательных состоит и в том, что они указывают чаще всего на один эталонный предмет как носитель этого признака, в то время как английские могут иметь несколько прототипических носителей признака, например, рус. *красный* – “цвета крови”, англ. *red* – “the colour of blood or fire” [5].

Развитие переносных значений рассмотренных прилагательных идет в основном по сходным моделям метонимического и метафорического переноса, но метонимические значения развиваются ими охотнее, чем метафорические. (Ср.: *серое лицо, седой старик, белый медведь, brown bear, black raven*). Поскольку реальные связи, существующие между зрительными признаками (а также между предметами – носителями этих признаков), легче обнаруживаются и вербализуются, то и метонимические переносы оказываются наиболее распространенным способом семантического развития прилагательным цветообозначения. Метафорические переносы, вскрывающие более тонкие, визуально не воспринимаемые отношения, встречаются реже. Наиболее типичными видами переносов становятся следующие переходы: цвет > эмоция (“прийти в негодование, сильно рассердиться, разозлиться” – *позеленеть от злости, to turn green*) цвет > оценка (“выглядеть свежим, приятным” – *to look red about the gills*).

В таких ситуациях прилагательные цветообозначения реализуют эмоционально-оценочную функцию. Несмотря на различия в конкретной реализации производных значений прилагательных цветообозначения, пути развития их коннотативных семем в сопоставляемых языках во многом сходны, поскольку они отражают общечеловеческую логику познания окружающей действительности.

Домен “Звук” репрезентирован в семантике прилагательных двух ЛСГ общими семами “громкий”, “тихий” как наиболее различимыми для уха человека характеристиками звука как физического явления (по 2 прилагательных в обоих языках).

Звуковая перцепция представлена и в русском, и в английском языках собственно звуковыми прилагательными, характеризующими звук не по всем присущим ему качествам (громкость, высота, тембр), а лишь по первому – громкости. Остальные присущие звуку параметры концептуализируются через другие модусы перцепции (ося-

знание, зрение и др.), что порождает огромный список характерологических метафорических номинаций звука: осязательных (*мягкий звук, soft sound, грубый голос, rough voice, теплая музыка, warm music, сухой голос, dry voice*), вкусовых (*сладкая музыка, sweet song, горькое рыдание, bitter crying, сочный баритон, juicy laughter*) и др. Данные метафоры свидетельствуют о большой значимости звуковых явлений в жизни человека. В речи первообразные атрибутивные номинации звукового признака реализуют в обоих языках выделительную и одновременно интенсифицирующую функции при реализации прямого значения.

При переносе звукового признака на непрототипические объекты основные звуковые прилагательные приобретают тенденцию формирования метафор оценки (*resounding success* — оглушительный успех, *громкий успех, quiet colour* — спокойный цвет, *глухая вражда*), интенсивности (*deafening silence* — оглушительная тишина; *loud clothes* — кричащие одежды; *оглушительный успех, запах, тишина, боль; звонкая слава, звучное имя*), экспрессивности (*громкий скандал, шумная статья, громкое дело, sonorous words* — напыщенные слова). Синестетическая метафора образуется лишь при переходе звукового признака из области “Звук” в область “Зрение”: *кричащие цвета, loud/quiet colours/clothes*. В каждой из отмеченных ситуаций прилагательные звукообозначения реализуют либо экспрессивно-оценочную, либо интенсифицирующую функцию.

Качественные прилагательные одной ЛСГ не обязательно развивают сходные семемы, хотя и сохраняют общую модель переноса от конкретного перцептивного признака к абстрактному, характеризующему человека как физиологическое и социальное существо.

Направление развития коннотативных семем у проанализированных качественных русских и английских прилагательных на основе метафорических и метонимических переносов имеет много общего. Наличие сходных процессов развития прилагательных в двух языках, номинирующих перцептивные признаки, и реализация ими в речи сходных функций объясняется наличием общей физиологической и психологической основы восприятия у всех людей. Различия, возникающие на уровне актуализации тех

или иных типов переносов, связаны не с отличием в восприятии реальных действительности русскими и англичанами, а с разницей в концептуализации и интерпретации полученной от органов чувств перцептуальной информации. Данная интерпретация во многом определяется коллективным и личным опытом носителей языка, а также сложившимися в данном лингвосообществе традициями и стереотипами, получившими отражение в формировании своеобразной для каждого народа концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабанщиков В. А. Восприятие и событие / В. А. Барабанщиков. — СПб.: Алетея, 2002. — 512 с.
2. Копыленко М. М. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. — Воронеж, 1989. — 142 с.
3. Г. В. Колшанский. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 5-30.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
5. Лаенко Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): дисс. ...канд. филол. наук / Л. В. Лаенко. — Саратов, 1988. — 188 с.
6. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 191 с.
7. Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции и их выражение в языке / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. — 1994. — № 6. — С. 79-98.
8. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. — М., 1981. — 380 с.
9. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования / М. А. Холодная. — М.; Томск: Барс, 1997. — 392 с.